

Зарождение критического направления в отечественной историографии Бородинского сражения

Полувековой юбилей «битвы гигантов» вновь привлек общее внимание к славному событию в военной истории России. Новая веха в исследовании Бородинского сражения ознаменовалась выходом в свет трехтомного сочинения профессора Военной академии полковника М.И. Богдановича, озаглавившего свой труд «История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам» (СПб., 1859–1860). Само название этого труда, созданного, как и сочинения предшественников, «по Высочайшему повелению» и удостоенного Демидовской премии, по мысли автора, указывало на то, что прежние работы, хотя и носили сходное название, базировались на источниках недостаточно достоверных. Вероятно, автор имел в виду не только ограниченный «охват» его предшественниками изданных и неизданных материалов, но и интерпретацию самих событий, «омраченную пристрастием».

Появление обобщающего исследования об Отечественной войне 1812 года, в котором Бородинской битве отводилось целых четыре главы, было связано не только с публикацией большого числа ранее неизвестных источников, но и с изменением социально-политической обстановки внутри страны. Признавая труд Богдановича «вершиной дворянской историографии», специалисты упрекали автора за классовую ограниченность воззрений; однако либеральные веяния пореформенного периода, выразившиеся в критическом отношении к минувшему царствованию, в значительной мере сказались в работе ученого. Впервые за перо взялся профессиональный военный историк, которого отделяло от минувшего события более половины столетия. Автор смотрел на себя как на «жреца науки», ему были чужды страсти и переживания его предшественников –

«самовидцев», их взволнованные интонации в повествовании о событиях, в которых они принимали деятельное участие.

Богданович располагал обширным материалом, позволявшим заново выстроить версию событий, связанных с «битвой гигантов». К тому времени в печати уже появилось запретное «Изображение военных действий» Барклай де Толли, которое спустя два царствования поражало новизной взгляда на известные события и открывало возможность критики устоявшихся мнений о Бородине. Настроения, навеянные пушкинским «Полководцем», казалось, обрели конкретную форму в виде документального подтверждения. Об истории возникновения этого документа мало уже кто знал. Критическое восприятие взглядов ушедшего поколения историков напрашивалось само собой. К тому же, Богданович был осведомлен, что труд его предшественника, Михайловского-Данилевского, «курировал» бывший военный министр А.И. Чернышев, с именем которого связывались неудачи в Крымской кампании 1853–1856 гг. Порицания в адрес Михайловского-Данилевского теперь воспринимались как критические замечания и в адрес его покровителя.

В 1842 г. скончался «всемогущий» Толь. После его смерти стало ясно, что усилия, употребленные им в защиту Кутузова, оказали не лучшую услугу для репутации фельдмаршала как полководца. Толь переусердствовал, доказывая свою исключительную роль при Кутузове: это привело к тому, что личность полководца в историографии стала теряться в тени его ученика. Доказательством может служить не только работа Клаузевица, но и появившееся в Германии сочинение Теодора фон Бернгарди, посвященное Толлю¹. Ловкий авантюрист, ссылаясь на близкое знакомство, не постеснялся назвать свое сочинение подлинными записками графа Толя. Автор, проживая некоторое время в России, занимался воспитанием детей Толя и, очевидно, записывал его рассказы о военных событиях, вследствие чего у него и возник замысел создать подобную фальсификацию. Объединив рассказы своего хозяина с историческими сочинениями, выходившими на Западе, Бернгарди

приписал Толю все успехи русской армии при Бородине. У автора была своя концепция – он полагал, что решающая роль в Бородинском сражении принадлежала немцам, находившимся на русской службе. В 1825 г. Толю уже доводилось писать оправдательное письмо на имя Бутурлина, опровергающее его собственную «исключительную» роль в 1812 г., приписанную ему генералом Водонкуром, находившимся в русском плену, где он мог в это время услышать интересные подробности о влиятельном ученике Кутузова².

Книга Бернгарди пользовалась огромной популярностью в Германии. Ее использовали в своих статьях по истории России К. Маркс и Ф. Энгельс. В 1853 г. Энгельс опубликовал в «Новейшей американской энциклопедии» статью «Бородино», отличавшуюся откровенной русофобией, так же как и статья Маркса и Энгельса «Барклай де Толли», напечатанная там же³.

Помимо печатных изданий, Богданович широко использовал в своем труде архивные материалы. Он получил доступ к «бумагам», собранным Михайловским-Данилевским, который избирательно пользовался своими архивными сокровищами. О методах работы Богдановича с источниками в отечественной историографии нет единого мнения. Так, П.А. Жилин, подсчитав количество источников, использованных им, получил цифру 1901, из них 831 – иностранные. На этом основании историк пришел к выводу, что сочинение Богдановича не может быть признано научным вкладом в русскую военную историографию⁴. В этом же ключе высказался Л.Г. Бескровный, утверждая, что Богданович «построил свое исследование главным образом на иностранных источниках»⁵. Н.А. Троицкий, на наш взгляд, пришел к объективному выводу, что Богданович «обогатил свое исследование элементами научной критики, опираясь на колоссальный научный аппарат почти из двух тысяч источников – русских и зарубежных»⁶. В.Н. Земцов работу ученого над описанием Бородинского сражения оценил следующим образом: «Отказавшись от велеречивости слога, Богданович обратился к

беспристрастному изложению фактов, при этом отдавая предпочтение русским источникам»⁷.

Кто из исследователей прав? Обратимся к сочинению самого Богдановича – к главам, посвященным битве при Бородине. Из справочного аппарата явствует, что источником, на который чаще всего ссылается автор, являются «подлинные записки графа Толя» Бернгарди; затем – «Изображение военных действий» Барклая де Толли, сочинение Клаузевица, записки Беннигсена, Вольцогена, сочинения Шамбрэ, Сегюра, Пеле. В качестве приложения к XXI главе Богданович привел рапорты русских военачальников, нуждавшиеся, однако, в серьезных пояснениях и комментариях, а также в сопоставлении друг с другом и с другими, теперь уже известными источниками. В чем же тогда заключались «элементы критики», «беспристрастное изложение» и «предпочтение русских источников»? Приведенный перечень источников, использованных в описании Бородинского сражения, скорее указывает на наличие у автора критического настроения по отношению к существовавшим версиям и их источникам, но не говорит о какой-либо системности.

В числе причин, побудивших Кутузова отступить от Царева-Займища к Бородину, Богданович указал на «влияние людей, пользовавшихся доверием Светлейшего», сославшись на мнение Барклая, и пришел к выводу и о «значительном превосходстве в числе неприятельских войск», но эта причина была названа в числе последних⁸.

Богданович сообщил сведения о позиции при Бородине, будто бы «избранной генералом Вистицким (а, по свидетельству Бернгарди, подполковником Генерального штаба Гартингом) и одобренной Беннигсеном»⁹. В ссылке на источник он указал одного Бернгарди, не разъяснив, чем ему не понравились свидетельства Барклая, Беннигсена или Клаузевица (Барклай считал, что позицию избрал Беннигсен, а Беннигсен и Клаузевиц утверждали, что Толь).

Трудно разобраться в приоритетах, установленных Богдановичем для того или иного источника. Даже из приведенного нами примера явствует, что историк оказался беспомощным в потоке изученных им документов, книг и воспоминаний. Не вчитываясь внимательно в их содержание, не сопоставив их, не подвергнув перекрестной проверке, он составлял картину сражения по методу складывания мозаики, прилаживая друг к другу понравившиеся ему фрагменты мемуаров, рапортов или отрывков из книг. Ссылки на заимствования зачастую отсутствовали. Например, Богданович дословно перенес в свой труд рассуждение Клаузевица об отсутствии в России хороших оборонительных позиций. Описание позиции при Бородине он воспроизвел частично по Михайловскому-Данилевскому, частично по Клаузевицу (без ссылок). У Баркляя он позаимствовал мнение о том, что фронт следовало протянуть «по прямой черте от Горок до Утиц», приписав это соображение себе¹⁰. Автор почему-то пренебрег сведениями об ошибке, изначально допущенной в размещении левого крыла, хотя вот уж где был простор для критики. Слабость инженерных укреплений левого фланга ученый приписал исключительно отсутствию инструмента и т.д.¹¹

Воспроизведя текст «Диспозиции» по Толю, Богданович не стал комментировать исчезновение участка «кор де баталь» с левого фланга, а сразу же заговорил о войсках, «вверенных Горчакову для обороны позиции при Шевардине» с целью выявления намерений неприятеля¹². Богданович «скороговоркой» повторил версию Толя, прочно укоренившуюся после сочинений Бутурлина и Михайловского-Данилевского.

Последний из сведущих ветеранов, И.П. Липранди, характеризуя методы работы Богдановича, назвал главный недостаток его труда: «Указание цитатой на источник, которым автор хочет утвердить описываемый эпизод, а между тем, в называемом источнике, или вовсе нет того, о чем говорится, или то, да не так; или, наконец, цитата оказывается ненужной и вовсе не поясняющей предмета»¹³.

Подтверждая это высказывание, можно привести ряд фрагментов сочинений Богдановича, до сих пор сбивающих с толку историков. Так, в начале повествования о бое за флешу историк утверждал, что Наполеон приказал атаковать русские реданты дивизии Компана и воспроизвел диалог между этим генералом и императором. Компан опасался быть обойденным справа через Утицкий лес. Во избежание этой опасности Наполеон направил в лес западнее дивизии Компана дивизию Дессе. Страницей позже Богданович сообщает, что Компан должен был овладеть одним («первым»?) укреплением. В ходе же атаки, по Богдановичу, Компан уже покушался на все реданты с фронта, а дивизия Дессе поддерживала его «несколько левее» (южнее), но почему-то «вдоль опушки леса». Историк, процитировав все имеющиеся у него под рукой документы, запутался настолько, что поменял дивизии местами, «вывел» дивизию Дессе из лесу, куда ее направил, по его же рассказу Наполеон, и в итоге довел свой рассказ до абсурда¹⁴.

Сбои в хронометрии, другие ошибки, допущенные из-за невнимательного прочтения источника, создавали невообразимую путаницу в представлении о событиях на левом фланге. Яркий пример неудачного использования иностранного источника – цитирование рапорта маршала Нея, где говорится о взятии левой флешу. Маршал докладывал начальнику штаба Великой армии Бертье: «Этот редут был тогда же атакован войсками 1-го корпуса, в результате чего 24-й (полк) легкой пехоты и 57-й линейный (полк) вступили внутрь него, перемешавшись между собой»¹⁵. Так же повествовал об этом событии генерал Пеле: войска дивизий Компана и Ледрю перемешались между собой в левой флешу. Богданович же «отдал» французам сразу два русских укрепления: 57-й линейный полк, по его мнению, «овладел крайнею (левою) флешью; другие полки дивизии Ледрю ворвались в правую нашу флешу»¹⁶. Не будем указывать на неправомерность названия левой флешу «крайней», так как каждое из трех укреплений могло явиться крайним в зависимости от того, с какой стороны на него смотреть. Неясно, почему историк считал, что гвардейцы могли поспеть к

Семеновскому не ранее, чем через 1,5–2 часа. Их отделяли от левого фланга не более 1–1,5 версты сравнительно ровной местности. Непонятно, почему столько же времени отвел Богданович дивизии Коновницына для прибытия со Старой Смоленской дороги.

Историк желал восстановить истину, но, опираясь на документы, ушел по ложному следу, проложенному его предшественниками, дальше, чем они, сделав это не с умыслом, а из чистых побуждений. Изучив документы из фонда Михайловского-Данилевского, он обратил внимание, что его предшественник неверно указал последовательность двух событий – ранения Багратиона и атаки на батарею Раевского – и наконец-то поменял их местами. Теперь ранение Багратиона предшествовало событиям у батареи Раевского. Но, опираясь на версию Жомини, подкрепленную свидетельством Ермолова, которого Богданович назвал «главным виновником события», историк сдвинул время атаки на центральное укрепление к полудню¹⁷. Это заблуждение было фатальным, так как историк должен был объяснить причину, по которой в большинстве источников русской армии и во всех источниках неприятельской армии сообщалось об атаке на батарею около 8.00 – 9.00. Он нашел этому факту невероятное объяснение, предположив, что между 9.00 и 10.00 неприятель предпринял на батарею другую атаку силами дивизии Брусье, никак не связанную с той, что отразил Ермолов. Эта вымышленная атака, по его мнению, совпала по времени с боем на флешах и была без труда отбита Раевским своими силами¹⁸. Так возникла лишняя атака на центр русской позиции, о которой мы можем прочесть в исторических трудах прошлого столетия. Однако, уверившись в том, что Ермолов все же ликвидировал угрозу прорыва центра между 9.00 и 10.00, историки впоследствии «передвинули» эту вымышленную атаку на 8.00. Неудивительно, что французы, как явствует из их описаний, ничего о ней не знали.

Соответственно возникла путаница с определением времени рейда Уварова и Платова. Опровергая воспоминания Клаузевица, Богданович

писал: «Генерал Клаузевиц полагает, что нападение, совершенное Уваровым, было предпринято под влиянием преувеличенного понятия об успехах, одержанных нашими войсками при обратном взятии нами батареи Раевского. Но в таком случае, Уваров не мог бы переправиться через Колочу ранее 2 часов пополудни»¹⁹. Историк, уверивший себя в том, что события у батареи происходили в полдень, не заметил, что Клаузевиц назвал другое время: между 8.00 и 9.00²⁰.

Вместе с тем Богданович заметил, что войска 2-го корпуса Багговута пришли на левый фланг позже, чем это традиционно считалось. В этом историка убеждали записки Евг. Вюртембергского. Правомерно было задать вопросом: кто тогда сражался у Семеновского до полудня? Но историк считал, что Багратион только в 9.00 ввел в сражение 27-ю дивизию Неверовского, от которой к тому времени оставалось не более батальона. Богданович был уверен, что 2-я гренадерская дивизия, составлявшая частный резерв левого крыла, вступила в бой после ранения Багратиона. Получалось, что атаки корпусов Даву, Нея, Жюно и Мюрата до полудня, т.е. в течение пяти часов, удерживали из пехотных частей 2-я сводно-гренадерская, 27-я пехотная дивизия и четыре батальона 12-й пехотной дивизии²¹.

Таким образом, «обилие источников и элементы критики», безусловно, наличествуют в главах, посвященных Бородину. По количеству ошибок и неточностей в хронометрической версии сочинение Богдановича было шагом назад по сравнению с его предшественниками. В разъяснении «неточности и перепутанности моментов» битвы лауреат Демидовской премии был Толю не соперник. Богданович, правда, поменял последовательность двух главных событий – ранения Багратиона и первой атаки на центральное укрепление, вовремя «перебросил» на левый фланг войска 2-го корпуса, но продолжительность боя за флешы и смена командования войсками левого крыла остались существовать в отечественной историографии согласно традиционной версии, невзирая на многочисленные источники, позволявшие изменить привычный стереотип.

Анализ источников и исторических сочинений, связанных с Бородинским сражением, благодаря которым складывалась «русская» версия события, был бы неполным без упоминания критических статей И.П. Липранди. При Бородине будущий автор ряда исследований состоял в чине поручика в должности квартирмейстера 6-го пехотного корпуса Дохтурова, оборонявшего центр позиции. Вследствие этого Липранди упорно называл в своих сочинениях батарею Раевского «батареей полковника Шульмана». Именно Липранди было доверено сопровождать к Кутузову генерала Бонами, взятого в плен в центральном редуте. Наделенный критическим умом, пронизательностью и колкой язвительностью в речах, Липранди оказался сущим наказанием для Михайловского-Данилевского и, особенно, для Богдановича, избрав их труды для «критических разборов». Если с Михайловским-Данилевским его связывало общее боевое прошлое, то к Богдановичу Липранди относился отчужденно – не как к соратнику, а как к «компилятору», извратившему многие важные события. Михайловский-Данилевский, по словам Липранди, «сам просил перебрать его книгу для исправления»²². В ответ на его просьбу Липранди успел составить замечания на первых два тома его сочинения, когда историк скончался. В адрес «почтенного Александра Ивановича» бывший соратник сделал несколько существенных замечаний. Он подверг сомнению намерение Кутузова защищать Москву. Липранди недоумевал по поводу высказывания фельдмаршала, приведенного в сочинении Михайловского-Данилевского. Липранди иронизировал: «По моему мнению, с потерей Москвы соединена потеря России». Но через несколько дней Москва оставлена без выстрела! Следовательно, и это подкрепление, что действовали без соображения»²³. Далее он продолжал свои рассуждения: «Главкомандующий мог иметь план, предначертанный и основанный на верном расчете, о котором он мог никому не объявлять»²⁴. Липранди высказал убедительное предположение, что главнокомандующий осознавал невозможность отстоять Москву. Автор

высказал историку свои сомнения и в отношении батареи Раевского, как «ключа позиции», основываясь на фактах, свидетелем которых он являлся²⁵.

В отношении же событий у Семеновского Липранди вдруг впал в погрешность. Так, он утверждал, что «Измайловский и Литовский полки пришли, когда уже Дохтуров был на левом фланге»²⁶. Но это утверждение никак не согласовалось с ходом событий, отраженным в других документах. До приезда Дохтурова генерал Коновницын перевел уцелевшие войска левого фланга за Семеновский овраг, где они примкнули к гвардейским полкам, совместно отражая атаки французской и саксонской кавалерии. Липранди допустил и другую необъяснимую неточность. Сообщив об отражении атаки Бонами на центральное укрепление в 9.00, он указал: «Дохтуров поехал для принятия начальства над левым флангом, по случаю раны Багратиона, несколько прежде, чем Шульманская батарея была взята генералом Бонами. Он уже шел на нее»²⁷. Эта неточность граничит с нелепостью – как мог Дохтуров поехать в 9.00. на смену Багратиону, раненому в полдень? Здесь Липранди почему-то придерживался версии Толя. Рассудительный критик так близко подошел к разгадке этой хронометрической путаницы, что стоило ему сделать один шаг, чтобы разрешить многочисленные противоречия, но он остановился, не сделав вывода из им же самим написанных слов.

Замечаниями Липранди воспользовался Богданович; он дословно воспроизвел в своем труде рассказ об укреплении позиции в центре, поведав об обстоятельствах спора между Толем и Беннигсеном в отношении «вооружения» батареи Раевского. При этом сочинитель не счел нужным даже упомянуть об источнике ценных сведений. Липранди сам о себе напомнил Богдановичу: если его замечания на труд Михайловского-Данилевского так и остались лежать в архиве, то замечания в адрес Богдановича были опубликованы в печати под названием «Бородинское сражение, заключение с некоторыми примечаниями на историю этой войны, сочиненную г.-м. Богдановичем».

Ветеран вступился за честь своего боевого товарища, упрекаемого Богдановичем за недостоверные сведения. Липранди, на наш взгляд, точно охарактеризовал проблемы, сопутствовавшие трудам Михайловского-Данилевского, обратив критику на Богдановича: «Покойный Александр Иванович, как сам участник в этой борьбе, может быть, не мог всегда говорить того, что видел. Он составлял описание войны, в которой сам был деятелем, а потому и подвергается более строгой критике за не всегда достаточную самостоятельность своего мнения. Историк же более простора потому, что он сам не может ничего свидетельствовать. Он будет говорить только то, что говорят другие, и если он очистит разногласия критикою, то обязанность его выполнена»²⁸.

В статье «Еще об истории Отечественной войны» критик развил мысль об «обязанностях» Богдановича: «На обертке сочинения г. Богдановича значится: История Отечественной войны по достоверным источникам; в конце же третьего тома приложено подробное исчисление источников, а из исчисления этого оказывается, что большая часть далеко не достоверна»²⁹. Что касается «большой части», то это явное преувеличение. Однако замечание Липранди может быть отнесено к работе К. Вентурини, который не был военным, а занимался изучением истории религии в Брауншвейге, где составил описание битвы, основываясь на газетных статьях и официальных бюллетенях³⁰. Особые нарекания вызвало использование Богдановичем сочинения Т. Бернгарди, на которые потомки Толя опубликовали опровержение, использовав письмо своего родственника к Д.П. Бутурлину³¹. Справедливым был и другой упрек Липранди в адрес Богдановича: «Частые употребления слов: говорили, говорят; полагают, уверяют, по другим сведениям, вероятно, другие, будто бы и т.п., не называя, кто эти “другие”»³².

Историк-критик высказал ряд основательных суждений по поводу особенностей русской позиции в центре и на правом фланге, попытавшись найти логическое объяснение замыслу Кутузова, сосредоточившего главные силы на правом крыле: «Некоторые, а в их числе и г.-м. Богданович, находят,

что позиция наша при Бородине была слишком растянута; что правый фланг ее должен был начинаться от Горок ... В свое время никто и не думал, что неприятель атакует наш правый фланг; все знали, что Наполеон великий мастер своего дела, чтобы придумать такую нелепость ... Трудно допустить, чтобы Кутузов имел в виду на неприступном нашем правом фланге поставить 22-го августа и оставлять до утра 26-го четыре корпуса и Платова с казаками в том предположении, что неприятель изберет этот фланг для главного своего напора»³³. Липранди призывал «исследовать причины», побудившие Кутузова к подобному размещению войск, не ограничиваясь однозначными выводами об ошибке, допущенной полководцем, основываясь на свидетельствах Барклая и Беннигсена. При этом он не отрицал и возможности ошибки.

В целом Липранди скептически относился к перспективам отечественной историографии, полагая, что историю кампании 1812 года и Бородинского сражения сможет достоверно описать лишь очевидец и участник события, опираясь на помощь целого коллектива авторов. Он выразил сомнение в адрес историков, не принимавших участия в битве: «Пройдет время, и сказания иностранцев вместе с молвою у нас, насчет наших военачальников, соделаются достоянием истории и, может быть, несправедливо передадут потомству истинные причины наших неудач, при явном ожидании совершенно противоположного результата»³⁴.

Замечания, справедливо указывающие на промахи в сочинениях известных историков, даже собственные ошибки Липранди позволяли выделить целый ряд нерешенных проблем, связанных с описанием Бородинского сражения. В первую очередь это касалось планов русского командования, расположения войск на позиции и, конечно же, хронометрии битвы.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ [Bernhardi T.] Denkwürdigkeiten des Kaiserl.-russ Generals von der Infanterie Karl Fridrich Grafen von Toll von Theodor von Bernhardi. Leipzig, 1856–1858. Bd. 1–4.
- ² Письмо К.Ф. Толя // Рус. архив. 1873. №3. С. 411.
- ³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1962. Т. 14. С. 256–267, 92–94.
- ⁴ Жилин П.А. Контрнаступление Кутузова в 1812 году. М., 1950. С. 18.
- ⁵ Бескровный Л.Г. Очерки военной историографии России. М., 1962. С. 194.
- ⁶ Троцкий Н.А. Отечественная война 1812 года: История темы. Саратов. Изд-во Саратов. ун-та, 1991. С. 19–20.
- ⁷ Земцов В.Н. Великая армия Наполеона в Бородинском сражении. Екатеринбург, 2001. С. 77.
- ⁸ Богданович М.И. История Отечественной войны 1812 года по достоверным источникам. СПб., 1859. Т. 2. С. 126.
- ⁹ Там же. С. 135.
- ¹⁰ Там же. С. 135–136.
- ¹¹ Там же. С. 141.
- ¹² Там же. С. 146.
- ¹³ Липранди И.П. Еще об истории Отечественной войны // Материалы для Отечественной войны 1812 года: Собр. статей. СПб., 1867. С. 151.
- ¹⁴ Богданович М.И. Указ. соч. Т. 2. С. 166–167.
- ¹⁵ Pieces officielles et bulletins de la Grande Armée. Année 1812 (Extrait du Journal officiel). P., S.a. [1813]. P. 325–327.
- ¹⁶ Богданович М.И. Указ. соч. Т. 2. С. 167.
- ¹⁷ Там же. С. 196–198.
- ¹⁸ Там же. С. 195.
- ¹⁹ Там же. С. 543.
- ²⁰ Клаузевиц К. 1812 год. М., 1997. С. 111.
- ²¹ Богданович М.И. Указ. соч. Т. 2. С. 200–201.
- ²² Липранди И.П. Материалы для Отечественной войны 1812 года. Сб. статей. СПб., 1867. С. 115.
- ²³ Липранди И.П. Замечания на «Описание Отечественной войны 1812 года» Михайловского-Данилевского // Харкевич В.И. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вильно, 1903. Вып. 2. С. 16.
- ²⁴ Там же. С. 17–18.

²⁵ *Липранди И.П.* Материалы для Отечественной войны... С. 18–21.

²⁶ Харкевич В.И. Указ. соч. Вильно, 1900. Вып. 1. С. 23.

²⁷ Там же. С. 29.

²⁸ *Липранди И.П.* Материалы для Отечественной войны... С. 118.

²⁹ Там же. С. 148–149.

³⁰ Подробнее об этом см.: *Попов А.И.* «Засадный отряд» Н.А.Тучкова (сомнение в очевидном, или апология Беннигсена) // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: Материалы VII Всеросс. науч. конф. Бородино, 1999. С. 138.

³¹ Загробное опровержение: Письмо графа Толя к Бутурлину // Рус. архив. 1873. №3. С. 411.

³² *Липранди И.П.* Материалы для Отечественной войны... С. 151.

³³ Там же. С. 178–179.

³⁴ Там же. С. 12.